

Татьяна Харламова

И БЕЗДНЫ НАМ ОБНАЖЕНЫ

РОМАН

18+

Татьяна Харламова
И бездны нам обнажены

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Харламова Т. Ю.

И бездны нам обнажены / Т. Ю. Харламова — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1718-1

Часы бьют полночь, когда раздаётся звонок в дверь. В дом входит юная незнакомка, которая изменит жизнь всех обитателей квартиры. Майя не подозревает, сколько счастья и несчастья она принесёт самым близким людям. Это боль и даже смерть. В конце романа герои неожиданно обретают гармонию.

ISBN 978-5-5321-1718-1

© Харламова Т. Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвёртая	25
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Харламова

И бездны нам обнажены

«Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит...»

Псалом 50

«Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его».

Вольтер

«Ночью из-за сильного, крайне нетипичного для конца апреля снегопада не сразу обнаружили вблизи подъезда жилого дома тело девушки. Её доставили в больницу № 3. У неё несколько переломов, множественные кровоподтёки. Следов насилия нет. Но при ней не найдено ни сумочки, ни документов. Милицию поразила её одежда – белое вечернее платье. По всей видимости, эта юная особа (кстати, очень красивая) стала жертвой грабителей. К сожалению, она не приходит в сознание и повторяет в бреду только одно слово: "мама, мама..." Врачи считают, что из-за переохлаждения и многочисленных травм девушка не выживет...»

«К-ская правда», 30 апреля 1998 г.

«Безгрешная вновь чудотворной безгрешностью спящих, светла и покойна, как радость, которую память лелеет, ты подарилась мне часть своей жизни, куда и сама не ступала».

Хорхе Луис Борхес

Пролог

Часы пробили полночь, когда раздался звонок в дверь. Хотя мне показалось, что уже рассветало. Окна светились молочным светом, как в конце мая, когда белые ночи мешают спать. Этот свет исходил от тихо падающего снега. Под его нежное, монотонное шуршанье хорошо сидеть где-нибудь на даче, у камина, с книжкой в одной руке и стаканом глинтвейна или вина в другой, лениво потягивая горячий терпкий напиток. Трель звонка прозвучала отчётливо, но никто не проснулся. Вдруг дверь комнаты скрипнула. Мурашки скользнули по коже. Я уже хотела было разбудить мирно похрапывавшего Максима, как услышала удивлённое мяуканье. Выгнув свою фиолетовую в этом призрачном свете спинку, кошка сверкала глазами. Значит, тоже слышала звонок.

Пожалуй, нужно подойти к двери и посмотреть в глазок. Скорее всего, бомж или накурившийся подросток – нажал на звонок, напакостил и убежал.

В мутной выпуклости дверного глазка, как в кривом зеркале, вытянулось странное существо – девушка в шляпке и платье. Но ведь сейчас зима – как же она не замёрзла? Может быть, у соседей вечеринка и барышня, выпив слишком много шампанского, утратила реальное ощущение времени и пространства?

Дверные замки пронзительно пели и щёлкали, пока я пыталась с ними справиться. Но никто не проснулся. Странное существо в бальном платье улыбнулось и вошло. Кошка, ошестившись, зашипела. Атласные туфельки девушки были совершенно сухими.

– Ты не сердись, что я так поздно? – спросила она, снимая шляпу. – Мне хотелось танцевать до утра, но я подумала, что ты будешь очень волноваться, и ушла раньше.

Чёрные густые локоны рассыпались по спине до самых ягодич – очаровательных, красиво вылепленных, подчёркнутых платьем.

– Кто ты? – не выдержала я. – По какому праву ты врываешься ночью в наш дом? Как я объясню это мужу и свекрови?

– Никаких проблем, – улыбнулась она, чуть раздвинув губы. – Скажешь, что я твоя родственница. Неожиданно приехала ночью. Мало ли иногородних родственников сваливаются на голову своим близким? Ну, согласишься! Пусть они будут недовольны, но это только сначала. Потом они меня полюбят.

Я была в полной растерянности. Терпеть не могу всяких родственников, сваливающихся на голову, когда им вздумается. И моей свекрови это тоже не очень понравится. Но девушка смотрела на меня своими сапфировыми глазами, и я не могла сказать «нет».

Она легко пересекла холл, направляясь к спальне.

– Подожди, – испугалась я. – Ты разбудишь кого-нибудь.

Она обернулась:

– Не волнуйся. Сегодня все очень крепко спят.

Её нежные, холодные пальцы обхватили моё запястье, и странная дрожь промчалась по моему телу.

– Поцелуй меня, – прошептала она. – Ну, скорее же.

Странно, но меня не удивила эта просьба. Я поцеловала её в трепетные веки, прикрывшие засыпающие глаза. Откуда взялась во мне эта нежность? Никогда и никого я не целовала так...

– О, как хорошо ты целуешь, – тихо сказала она. – Я когда-нибудь отплачу тебе тем же. Ещё не время.

Она обвила прохладными тонкими руками мою шею, и я до сих пор помню прикосновение этих рук.

– В тебе много нежности, и ты очень одинока. Но теперь мы сможем любить друг друга, и тебе станет легче.

Она повернулась ко мне спиной и попросила расстегнуть молнию. Платье было воздушное, с рюшами и воланами – в таких танцевали барышни девятнадцатого века. Но что-то в нём было не так. Когда девушка шла, её длинные атласные ноги обнажались почти до бедра. Этот разрез казался очень неожиданным. Она выглядела то невинной, как ангел, то возбуждающе сексуальной, как куртизанка.

– Ты рассмотришь меня потом, у тебя ещё будет время, – улыбаясь своей смутной улыбкой, сказала она. – А сейчас – спать, спать, спать...

Я повела её в маленькую спальню, которую мы собирались переоборудовать под библиотеку.

– Там такой бардак, – извинилась я. – Мы всерьёз не занимались этой комнатой и редко делаем там уборку.

– Ничего, – ответила она. – Скоро придётся ею заняться, но вряд ли там будет библиотека.

Я смотрела на неё, и опять мне казалось, что я её давно знаю, и странное чувство близости с нею снова обдавало приятной тёплой волной. Мне хотелось обнять это существо, ласкать, даже снять с неё атласную туфельку и поцеловать эту изящную ножку. Никогда и ничего подобного я не испытывала. Я не из тех, кто чмокает всех подряд. Я даже родителей редко целую.

– Здесь вполне уютно, – сказала она, вытянувшись на кушетке, – только пыльно. Не уходи, посиди со мной. Расскажи что-нибудь.

И снова обхватила изящными ледяными пальчиками моё запястье. Я присела на край кушетки, мне и не хотелось уходить.

– Что же я могу тебе рассказать? Разве тебе интересна моя жизнь?

– Очень, – заверила она. Ты даже не представляешь, как очень.

Странная была у неё улыбка, смутная. Она лишь слегка раздвигала губы – вроде бы улыбалась, а вроде бы и нет. Где-то я видела эту улыбку, причём много раз. Очень знакомая улыбка.

Я пыталась вспомнить, но ничего не получалось. И эта удивительно знакомая линия подбородка – округлая, мягкая.

Мне захотелось прикоснуться к прекрасному и загадочному лицу, и я это сделала. Я просто изнемогала от нежности. И в ответ она протянула к моему лицу ладони.

– Ты, наверное, очень много страдала, – сказала она. – У тебя прекрасное лицо, но на нём рубцы.

Своими невесомыми пальчиками она попыталась разгладить морщины, очертившие мои щёки – жестокие отметины времени и страстей.

– Скоро всё будет по-другому, ты научишься наконец смеяться и радоваться, – пообещала девушка и закрыла глаза. – Прости, я очень хочу спать. Поговорим завтра.

– Да, но что же я всё-таки скажу людям? Кто ты, откуда? – опомнилась я.

– Ничего не говори, – пробормотала она, засыпая. – Я сама.

Она засыпала, держась за моё запястье, а я тихо сидела рядом, боясь её потревожить её. Наконец пальцы разжались, и дыхание стало ровным. Теперь я могла рассматривать её сколько угодно – уличные огни хорошо освещали лицо незнакомки. Но странное волнение, почти ужас охватили меня, и я почувствовала, что не могу, боюсь смотреть на неё. Что-то очень необычное было в этой спящей девушке. Её красивая головка, упавшая на ладошку, должна была отбрасывать на стену чёткую тень – так падал свет. Но даже намёка на эту тень не было. Бежать, скорее бежать отсюда. Возможно, утром всё будет по-другому. День разрушает то, что создаёт ночь...

Ощущение озноба не проходило. Максим тихо похрапывал, уткнувшись в подушку. Включив обогреватель, я немного согрелась, успокоилась и не заметила, как уснула.

Очнулась же от какого-то странного обжигающего тепла и потрескивания. Где-то звучала музыка. Дверь комнаты была распахнута настежь, и холл, громадный и просторный, продолжал её. Мебели почему-то в холле не было. На полу стояли десятки свечей в тяжёлых бронзовых подсвечниках.

Под монотонную музыку в танце тихо скользили пары, одетые в бальные платья и костюмы. Лица дам и кавалеров были скрыты масками. Если какая-то свеча начинала потрескивать, человек в чёрной маске останавливал ближайшую к ней пару, и те покорно опускались на колени. Я отчётливо слышала, как человек в чёрной маске задаёт вопросы толстой даме, похожей на торговку, несмотря на обтянувший её телеса бархат. Он спросил, доводилось ли ей предавать своих родных и близких.

– Нет-нет-нет, – запричитала она, и свеча на каждое её «нет» трещала всё сильнее, пламя билось, выгибалось дугой.

– Ты лжёшь, – тихо произнёс он. – Разве это не твои дети?

Два мальчика-близнеца в матросских костюмчиках подбежали к ней и с криками «мама!» обняли её, и видно было, как её лицо под тесной маской стало мокрым от слёз.

Один из мальчиков оттолкнул её и засмеялся.

– Ты помнишь, как привела нас вместе с братом в магазин и попросила продавщицу дать братцу мороженого и леденцов, а меня как будто и не замечала? Тогда я сам полез рукой в его кулёк, потом забился в угол и съел все его конфеты. Это было моё первое воровство. И ты мне тогда надавала оплеух.

– А теперь посмотри, что с ними стало, – человек в маске поднял свечу и направил свет в дальний угол холла. Там появились две тени. Я невольно содрогнулась – у одной из них была петля на шее и страшное, в кровоподтёках лицо. Другая тень, запрокинув бутылку, торопливо поглощала её содержимое. Было слышно, как булькает в горле портвейн. Осоловевшие глаза смотрели в зал, но ничего не видели.

– Они не знали материнской любви, и потому их жизнь так сложилась. Один, вор-рецидивист, умер в тюрьме, другой – спился, – отчётливо произнесла «чёрная маска». – Ты виновна в их бедах. Только пламя очистит тебя.

Прекрасная музыка Моцарта не заглушала его слов, а словно бы усиливала. И я с ужасом увидела, как женщина покорно приблизила губы к огню и как корчился и чернел её рот в этом страшном поцелуе.

А в глубине зала, в мягких отблесках свечей, скользила моя прелестная незнакомка. Она была единственной, кто танцевал без маски. Чёрные кудри её развевались, и мелькали при поворотах белые атласные ноги. Я любовалась ею. Там, где она танцевала, свечи горели ярче, вдохновеннее и ровнее.

И вдруг я услышала шаги. Человек в чёрной маске направлялся к моей спальне. Мне хотелось закричать, но чувство обречённости сковало меня.

Чёрная маска склонилась над постелью, в которую я пыталась поглубже зарыться.

– Идёмте танцевать! – приглашение прозвучало, как приказ.

– Но я... неодета! – прошептала я, кутаясь в одеяло.

– Ничего страшного, – усмехнулся он. – Ваша одежда – самая прекрасная, и вы хорошо это знаете.

Он отбросил одеяло. Абсолютно нагая, я встала, и он повёл меня за руку в холл. На нём была чёрная рубашка с погончиками, чёрные джинсы, и он слегка прихрамывал.

– Постарайтесь расслабиться, вы же так любите танцевать, – заметил он. – Если вы будете так напряжены, у нас ничего не получится.

Когда мы сделали первый круг, где-то рядом со мной сильно затрещала свеча. Мы остановились, и он поднял тяжёлый подсвечник с пола. Пламя обожгло мне лицо...

* * *

– Ты не выключила обогреватель! – крикнул он. Я сидела на постели, а рядом разгневанный Максим ощущивал раскалённый обогреватель:

– Совсем идиотка, что ли? Пожар могла устроить! Соображать же надо! – изяществом выражений он никогда не отличался, спасибо, хоть не матерился.

Вечером я всегда включала обогреватель, потому что не выношу холода. Но ещё ни разу в жизни не забывала его выключить. Что же со мной происходит? Во всяком случае, ясно, откуда «глюки» – девушка в шляпке, танцы при свечах и «чёрная маска». Обогреватель всю ночь стоял у моего изголовья и теперь полыхал возмущённым жаром. У меня раскалывалась голова, виски гудели. Слегка пахло палёным. Я осмотрела волосы – вроде бы целы.

Надо срочно выпить кофе покрепче. Это, пожалуй, приведёт меня в чувство.

Странно. У стеклянной кухонной двери я замерла, разве что не обратившись в соляной столб. Мне не следовало оборачиваться и вспоминать эту ночь. Из кухни доносилось два женских голоса. Хохот моей свекрови, которой всё нипочём, разбавляло звонкое юное щебетанье. Моя новоявленная родственница весело уплетала сырники, которые свекровь подкладывала ей на тарелку. Кажется, они друг с другом поладили.

– Как вкусно, я никогда этого не ела, – восхищалась девушка.

– Ешь, ешь на здоровье. Я давно не стояла у плиты, вчера пришлось выгнать горничную – такая нахалка, неряха оказалась, грязь развела, пахнет от неё ужасно, я просто задыхалась, когда она заходила в комнату, – тараторила свекровь. – Кстати, как тебя зовут? Ты просто прелесть. Я бы назвала тебя Лолитой или Лаурой, ты призвана вдохновлять. Детка, ты будешь украшением наших тусовок.

– Зовут? – задумалась вдруг девушка. Сделав долгий глоток кофе, она сказала:

– Многие называют меня Майя. Зовите и вы так.

– Майечка, а где живут твои родители, кто они? Хотя это совершенно не имеет значения. У тебя такие волосы! Мы нарядим тебя Офелией. Тебе пойдут белые и жёлтые цветы. В конце недели у меня соберётся вся элита города, и ты будешь гвоздём программы.

Девушка снова задумалась.

– Наверное, у меня амнезия. Я не знаю, кто мои родители. Я сейчас путешествую. Приехала из Израиля, там когда-то жила моя прабабушка.

Этого только не хватало! Поднос с чашкой подпрыгнул у меня в руке. Я распахнула дверь и увидела, что лицо свекрови тоже слегка вытянулось от последнего сообщения.

Да, безусловно, у девочки породистый, хотя и весьма аккуратный, носик и эти синие, особого разреза глаза в рамках чёрных ресниц. Как я сразу не догадалась.

– Но со стороны мамы у меня все русские, – безмятежно сообщила девушка, – Чисто русский вариант. Мне так сказали.

– Ты плохо выглядишь, – заметила она, осмотрев меня влажноватыми глазами. – Пойдём, я помассирую тебе голову, станет легче.

– Спасибо, вы так замечательно готовите! – снова обернулась она к свекрови. – Хотите, я вам потом тоже сделаю массаж? Я чувствую, у вас болит спина, вы сутулитесь. Говорят, мне от отца передалась сильная энергетика...

Круглое лицо свекрови слегка вытянулось под фиолетово-розовой чалмой. Она бодро распрямила спину, но тут же сникла, поморщившись. А затем рассмеялась.

– Да ты просто чудо! Теперь у меня будет личная массажистка! Всех халтурщиц выгоню. Плачу им бешеные деньги, а толку никакого.

У свекрови действительно побаливал позвоночник, хоть она и пыжилась изо всех сил, даже пыталась ходить на высоких каблуках. Но после каждой тусовки отлёживалась неделю, и квартира наполнялась стонами, криками и жалобами на «извергов». Извергами были все: врачи, массажисты, горничная.

Майя подошла ко мне, обвила мою шею тонкими руками. От неё приятно пахло кофе и ещё чем-то трогательным. Так пахнет в доме, где кормят грудного младенца. Боже, да от неё и пахло грудным младенцем! Почему? И меня опять захлестнула волна болезненной нежности. Майя потерлась щекой о мою щеку, и головной боли как не бывало. Я вдруг ощутила себя свежей и чистой до хруста.

– Я поживу у вас месяца три, не возражаете? – спросила Майя. – Я постараюсь вам не мешать.

– Конечно, конечно, цветочек, – излишне оптимистично ответила свекровь. – У нас полно свободных комнат.

Стоило Майе уйти, как на меня посыпались вопросы, на которые я не знала ответа. Почему я скрывала столь очаровательную родственницу? Она просто создана для светских салонов.

– И как похожа на тебя, точно так же улыбается. Долго же ты скрывала свои корни, – ехидно заметила свекровь.

У меня перехватило дыхание. Так вот где я видела эту смутную полуулыбку, этот упрямо вздёрнутый мягкий подбородок, резковатую линию скул! В зеркале.

Ошарашенная, я тем не менее не имела возможности расспросить Майю о причине столь странного сходства. Надо было бежать на работу. Меня ждали компьютеры, клиенты, счета, квартальный отчёт. Вилкин и так, наверное, тихо закипает – опоздала уже на час.

Но и потом, вечером, она не смогла, или не захотела, удовлетворить моё любопытство. Опять прижалась ко мне – в ней, кажется, было столько же нереализованной нежности, сколько и во мне. Она переполняла нас так, что становилось трудно дышать.

– Давай договоримся, – попросила она. – Не спрашивай меня ни о чём. Я ничего не знаю или не помню. Я знаю только, что люблю тебя. И хотела бы, чтобы ты любила меня – очень, очень, очень... Я слишком долго шла к тебе.

Может быть, она лесбиянка? – обожгла мысль. Этого мне в жизни ещё не доводилось испытывать... Кажется, не доводилось. Мы иногда прячем в себе такие вещи, которые страшно вытаскивать на свет. В детстве я часто влюблялась в женщин, гораздо чаще, чем в мужчин, но это всегда была платоническая любовь. Нет, тут что-то совсем другое.

Часть первая Майя

Глава первая

Когда Игорь увидел её – они поднимались в одном лифте, – то подумал, что давно не встречал столь необычных женщин. Возможно, она поражала своей экстравагантностью – вся в оранжево-чёрном, с длинными, высветленно-платиновыми волосами. Но, тайком наблюдая за ней, он понял – не в этом дело. На неё можно было пялиться совершенно откровенно, всё равно бы не заметила. Именно это и притягивало, и отталкивало от неё. Кажется, она вообще ничего не замечала, словно жила в другом измерении. Её тёмные глаза резко контрастировали с жизнерадостными красками костюма. Из них лилась вселенская тоска. Она казалась обособленной и невероятно одинокой даже в битком набитом маленьком лифте.

Потом он видел её в баре. Перед ней стоял высокий бокал, из которого она медленно потягивала шампанское. И глаза её с каждым глотком становились всё печальнее, наливаясь тёмно-янтарной влагой, которая, казалось, вот-вот выплеснется, прольётся, но она лишь искрилась, соперничая с игрой шампанского в бокале. Он любовался её глазами, как любят игрой драгоценных камней, которые, в зависимости от освещения, становятся то загадочно, непрозрачно матовыми, то вспыхивают неожиданно острым, обжигающим хрустальным огнём.

Но окончательно он был сражён, когда увидел её сзади. Она шла к стойке, чтобы заказать кофе, и у него перехватило дыхание. У неё оказался совершенно ошеломительный задик. Ему было тесно под короткой юбкой, он дышал и двигался в такт её движениям, завораживал своей мягкостью и теплотой. Кажется, она знать не знала, сколько мужских ладоней повлажнили в этот момент от желания только прикоснуться к нему.

– Ну и попка, – крикнул рядом какой-то тип, опрокинув рюмку. – Но к такой не знаешь, на какой козе подъехать.

– Да, – сдержанно ответил Игорь и, расплатившись, вышел. Он не любил обсуждать женщин, даже совсем незнакомых.

Перекусив, Игорь отправился в свой кабинет. Это был обычный день. На приём записались две парочки и дама. Дама – это, пожалуй, странно. Ему чаще приходилось иметь дело с мужчинами, которые, краснея и запинаясь, умоляли спасти и возродить заветный кусочек плоти, который превратился в рыхлый безжизненный холмик, не желающий ни на что реагировать. Игорь, как хороший специалист, почти каждому такому холмику возвращал способность давать росток – твёрдый и сочный.

На столе валялось несколько бумажек, и он, поморщившись, с раздражением отправил их в корзину. Даже маленький беспорядок мог вывести его из себя. Каждый раз, входя в мир человека, в его душу, как в бездну, он должен прежде всего сосредоточиться. Никаких лишних деталей. Чёрные стены, гладкий, как трамплин, стол, тяжёлый подсвечник со свечой. Иногда, общаясь с пациентом, он зажигал старый торшер, но чаще – свечу.

Взглянув на часы, Игорь прикрыл глаза и мысленно прочитал молитву. Пора начинать приём. Он уже знал почти наверняка – в коридоре у окна стоит первая пациентка – та самая дама в оранжево-чёрном.

Он не ошибся. От неё разило смесью дорогих сладких духов и шампанского. И за версту – безумным одиночеством. Вид у неё был такой, словно она гордилась своей тоской.

Женщина попыталась улыбнуться в ответ на его приглашение войти. Странная полуулыбка очертила морщинки вокруг губ. Но они не портили и не старили её, а делали похожей на кошку.

Она опустила в мягкое кресло и вцепилась в его ручки, точно над ней нависла бормашина в кабинете стоматолога. Комок нервов.

Как с такой разговаривать? Он достал из стола пачку сигарет.

– Может быть, закурите?

Сам он давно не курил, но держал сигареты для клиентов. Иногда это помогало им расслабиться и сосредоточиться.

Она ответила, что не курит. Крепкий орешек. Впрочем, может быть, и не очень. Ведь ей самой безумно хочется расколоться, выплеснуться, иначе бы она сюда не пришла.

– Я понимаю, вам трудно говорить, но не волнуйтесь и давайте всё по порядку, – в его голосе прозвучал лёгкий металл. Иногда это тоже хорошо действовало. Кажется, она как раз из тех, кому не хватает крепкой узды. Сильная женщина, уставшая быть сильной.

Он медленно, словно растапливая камин, затеплил свечу, и пламя затрепетало, играя бликами в полированной поверхности стола.

– Доктор, всё началось десять лет назад, – тихо произнесла она.

Была глубокая ночь, когда она возвращалась на дачу с вечеринки. Автобус делал последний рейс, и все дремали, включая кондуктора. Лидия очнулась, словно от внутреннего толчка – за окном в кромешной тьме изредка скользили незнакомые огни.

– Остановите, я проехала! – крикнула она в панике, и несколько пассажиров оглянулось на неё расплывчатыми, сонными глазами.

Автобус словно споткнулся от её крика, затормозил и умчался, выбросив девушку в промозглую осеннюю тьму. Она быстро сориентировалась – до деревни было полчаса ходьбы, слава Богу, что вовремя очнулась. От выпитых коктейлей кружилась голова, но благодаря этому в ней притупилось чувство страха. Пахло мокрой несвежей травой и тихо шуршала вода – где-то рядом текла река. Туман ползком подбирался к шоссе с двух сторон. Она шла под стук собственных каблучков, прошивавших тишину потусторонней дробью. Ей почти не было страшно.

– Эй, как тебя зовут? – раздался вдруг резкий голос. Перед ней возникло два мужских силуэта.

– Лидия, – ответила она не задумываясь. И не успела опомниться, как оказалась в плотном кольце чьих-то рук. В нос шибануло перегаром, запахом дорогих сигарет, и всё закрутилось, затанцевало перед глазами, как в каком-то немислимом аттракционе. Она успела понять, что катится под откос дороги в чьих-то объятиях.

– А вот мы сейчас попробуем, что ты за Лидия, – сказал тот же голос, пытаясь расстегнуть пуговицы её пальто.

– Не трогайте меня! – крикнула она первое, что пришло в голову. – Я – девочка, вас посадят!

Кажется, его это остановило, но только на минуту. Он рванул полы её пальто, пуговицы затрещали и посыпались на траву.

– Господи, помоги мне! – не подозревая в себе такой силы, она, извиваясь, отшвырнула его тяжёлое, напряжённое тело. Но оно снова неотвратимо прижимало её к мокрой, льдистой от подмерзавшей росы земле. Трава была отвратительно скользкой, как и его руки. Лидия, всегда очень сдержанная, рычала, кусалась, выла, чувствуя себя животным, попавшим в капкан. Нет, нет, нет!

Он пытался на свой манер успокоить её:

– Да ты не волнуйся, я только чуть-чуть попробую. Если ты девочка, трогать не буду, клянусь. Только на девочку-то ты не очень похожа.

Его ввели в заблуждение длинные, растрёпанные белые волосы и яркая косметика.

Она снова извивалась, кричала и кусалась, чувствуя, что сил остаётся всё меньше.

– Да брось ты её, – бубнил рядом второй. – Влипнем мы с ней. Она какая-то бешеная. – Он всматривался вдаль, не спешит ли кто-нибудь на крик. Но стена тумана белой полупрозрачной гардиной отгородила их от мира.

Его приятель не собирался отступать.

– Последний раз по-хорошему прошу, не мешай, – прошептал он, и что-то тёплое, твёрдое, противно пахнущее ткнулось ей в губы, пытаясь проникнуть в рот. Ей показалось, её сейчас вырвет. Спазмы сдавили горло. Но у неё всегда был слабый рвотный рефлекс. Она собрала последние силы, и клубок тел снова покатился по траве.

– Ах, так?

Он ударил её наотмашь, но она не почувствовала боли. Силы каждой клеточки её тела и мозга были направлены на то, чтобы не впустить его в себя. Но сил уже больше не оставалось. Когда он ударил её во второй раз, она с ужасом поняла, что теряет сознание. Перед глазами мерцали то белые клочья тумана, то лиловая земля. Ну, нет! Цепляясь пальцами за ускользавшую траву, Лидия попыталась подняться. Но тело больше не слушалось её, руки налились свинцом. Неужели это?.. Она впиалась ногтями в руку, упорно пытавшуюся раздвинуть её ноги. И вдруг почувствовала, что его тело на ней как-то странно обмякло. А потом ей вдруг стало легко до невесомости. Что произошло? Неужели Бог услышал её молитвы?

Она приподняла голову и увидела, что её мучитель тихо сидит рядом – расстёгнутая ширинка джинсов перепачкана чем-то белым.

Те же белые хлопья сверкали и на её пальто. В свои двадцать три она в таких вопросах была полной дурочкой и ничего не поняла. Подумала: «Что это, снег выпал?» Он прилёг рядом. Убаюкивающе шелестела река. Глаза слипались.

– Лидия, вставай! – над ней возникло бледное скуластое лицо. Теперь она могла рассмотреть его. Совсем мальчишечья рожица, прыщик над губой, модный ёжик волос. Он тормошил её.

Она попыталась приподняться, но тут же рухнула на вспаханную их телами землю. Тяжёлое тело совсем не слушалось её.

– Вставай, – повторил он, – прошу тебя. Земля холодная, ты простудишься. Я же тебе ничего не сделал, что с тобой?

Она попыталась ещё раз подняться, но земля словно приковала её к себе. Каждое движение причиняло боль. Сквозь туман светились далёкие огни. Где-то наверху было шоссе – вблизи промчалась, прогрохотала тяжёлая машина.

– Я хочу домой, – прошептала она распухшими губами.

– Что-что? – он наклонился, попытался приподнять её и понял, что ему ничего не остаётся, как взять девушку на руки.

Он щёлкнул какой-то кнопкой, и перед её глазами вспыхнул циферблат модных массивных часов, украшавших его запястье. Чёрная секундная стрелка деловито описывала очередной круг. Часы тикали ровно и равнодушно, как будто ничего не произошло. А разве что-нибудь произошло? Впрочем, когда происходят революции и землетрясения, они тикают точно так же. Равнодушные свидетели событий или их отсутствия.

Часы показывали три.

– Отпусти меня, я попробую поймать попутку.

– В таком-то виде и в такое время? Не валяй дурака. Переночуешь у меня. А завтра я тебя провожу.

Три часа. Значит, их поединок продолжался около двух часов. Неудивительно, что у неё совсем нет сил.

* * *

Женщина сидела, ладонями обхватив пылающие щёки. В отблесках свечи глаза её стали больше, темнее и загадочнее. Казалось, она вот-вот заплачет.

– Успокойтесь, – остановил её Игорь. – Может быть, на сегодня хватит? Я понимаю, как тяжело вам всё это рассказывать. Вы когда-нибудь с кем-либо говорили об этом?

– Нет, – она словно очнулась, выпрямилась в кресле. Лицо снова стало напряжённым и растерянным.

– Понимаете, десять лет, целых десять лет... Я не знаю, как жить дальше, что делать.

– Но ведь тогда, как я понял, ничего страшного не произошло? Вас не изнасиловали?

Она уловила нотки сомнения в его голосе и слегка передёрнулась.

– Вы мне не верите? Он кончил без меня, – она казалась опустошённой.

Глава вторая

Неожиданно распахнулось окно, и мрачная каморка успела наполниться запахом сирени, пока Игорь возился с замком рамы, пытаясь противостоять резкому порыву ветра. Сирень цвела прямо под окном, и её гроздья почти касались стекла. Игорь сорвал ветку и бросил на колени женщине.

Кусочек пламени оторвался от свечи, порхнул вверх жёлтым мотыльком.

Она провела рукой по волосам, поправила чёлку – выглядело очень сексуально: маленькая грудь напряглась, красиво обозначившись под чёрной полупрозрачной майкой. Облизнула ярко накрашенные губы, прижала к лицу ветку сирени. Крупные серебряные серьги и такое же кольцо на загорелой шее очень шли к её волосам и одежде.

Он пристально посмотрел на неё – она играла веткой сирени, избегая его взгляда. В комнате стало очень темно, будто наступили сумерки. Стёкла окна тоненько звенели под натиском ветра. На улице начинался дождь. Ещё несколько искр оторвались от пламени свечи и скользнули к потолку жёлтыми бабочками. В дверь деликатно постучали. Он вспомнил, что нужно продолжать приём, и погасил свечу двумя пальцами.

– Вы придёте ко мне завтра, и мы продолжим разговор, – сказал он Лидии, которая пыталась извиниться, что отняла у него так много времени. Он приказывал, стараясь отрезать ей пути к отступлению. – Вы придёте ко мне завтра и постараетесь быть предельно откровенной. Думаю, что я смогу вам помочь.

– Спасибо, – сказала она, смущённая и слегка испуганная его тоном, машинально прижимая к лицу ветку сирени, точно защищаясь ею. Когда она вышла из кабинета, хлынул ливень.

Он включил торшер и пригласил очередных пациентов. Ими оказалась оригинальная парочка. Сразу было видно, что он – гомик: визгливый голос, вялые движения, пухлые руки, жёлтая водолазка. Она – вульгарноватая брюнетка, за развязностью которой явно скрывалась фригидность. Вряд ли тут удастся что-то склеить. Слушая, как они, не стеснясь в выражениях, наперебой изливают свои постельные проблемы, он смотрел в окно и не мог избавиться от видения: женщина в оранжевом хитоне идёт сквозь стену дождя. Чёрный купол зонта плывёт над нею. Людей вокруг нет. Он почему-то не смог представить рядом с ней людей. Только она и тёмный дождь. Жёлтое пятнышко в уплывающей тьме. Зыбкое отражение луны в реке. Он чувствовал, как её волосы, её тело и одежда становятся тяжёлыми от влаги и желания...

Пока шёл приём, несколько раз заглядывала Фаина. Выпроводив последнюю парочку – юнцов, желающих испытать бешеный оргазм, он набрал её номер:

– Зайди.

Фаина работала медсестрой и иногда ассистировала ему. Она зашла уже в пальто и с сумочкой. Села, скрестив ноги, привычно попросила сигарету.

– Не дам. Когда бросишь? – и достал из стола заветную пачку.

– Не знаю, – равнодушно сказала она, искоса осмотрев его. – Как денёк? На улице льёт как из ведра. Вид у тебя какой-то затраханый.

– Ничего. Всё как всегда. Извини, придётся открыть окно, ты очень дымишь.

Окно распахнулось с треском, и сразу же пол засыпало мелкими гроздьями цветов. Дождь стихал, но его дыхание было по-прежнему тяжёлым и тревожным. А запах сирени и молодой зелени стал более резким, волнующим.

– Лучше скажи, как ты. Ты была у него?

Она поискала глазами пепельницу, и он нехотя извлёк из шкафа чёрную керамическую уродину в виде вазочки с головой свиньи.

Стряхнула пепел таким знакомым ему, слегка манерным жестом, снова глубоко затянулась.

– Ему лучше. Врачи говорят, возможно, протянет ещё несколько месяцев.

– Слава Богу. Я молюсь за него.

– Мне пришлось переспать с ним. Это его право, – полуприкрыв яркие ореховые глаза, она смотрела на дождь. Сигарета в её руке чуть задрожала, когда она снова поднесла её к губам. Больше ничего не изменилось в ней – она сидела в той же позе, с полузакрытыми глазами, и даже не вздрогнула, когда он хлестнул ладонью по столу. Ему хотелось хлестнуть по её пухлым, выпирающим, соблазнительным губам, которые вальяжно вытягивались, выпуская ароматный дым. Хотелось, чтобы на них выступили капельки крови, а её глаза наполнились слезами. И тогда он стал бы слизывать эту солёную влагу – тёмную и светлую, коктейль из крови и слёз, вечный коктейль, который женщина делает для мужчин в надежде спастись от одиночества.

– Он не имел права от тебя этого требовать! Тебе, наверное, было очень неприятно, – сказал он уже чуть спокойнее. Ему стало неловко за свою неожиданную ярость. Что это – обычное чувство собственника выиграло или она дорога ему, как и десять лет назад?

– От него ужасно пахнет, – вздохнула она, – особенно изо рта. Рана заживает, но... – она замолчала, стряхнула пепел. Наконец вскинула голову и в упор посмотрела на Игоря. – Он умирает. Я не могла ему отказать.

Он стиснул кулаки в карманах и подошёл к окну. Весь подоконник был усыпан опавшими лепестками. Дождь шумел уже ровно и сонно, всплеск его волнения был позади.

– Я сегодня свободна, – сказала она, глядя ему в спину. – Мы можем сейчас поехать к тебе.

Он обернулся – влажные тёмные пятна расплывались на голубой рубашке.

– Нет, извини. Не получится, – Игорь вытащил кипу бумаг, избегая смотреть на неё. – У меня много встреч, я поздно освобожусь.

– Жаль, – она погасила сигарету, пальцы по-прежнему чуть подрагивали, – я теперь нескоро смогу. Мне придётся дежурить у него, да ещё работа...

Фаина встала, оправляя пальто – дорогое, но мешковатое. Или это после «оранжевой» дамы все казались ему плохо одетыми? Но Фаина... Неважно, как она одета. Он поцеловал её в шею, в мочку уха, потом в выпирающие губы. От неё пахло дешёвой туалетной водой.

– Приезжай, как только сможешь. Я буду ждать.

Это была единственная женщина, которая носила в кармане ключи от его квартиры. Они познакомились десять лет назад, когда она пришла в поликлинику после окончания медучилища. Рядом с этой яркой девочкой, просто излучавшей флюиды, все женщины казались пресными. За ней пытались ухаживать многие, но безуспешно. Фая была преданна своему мужу, который был старше её на двадцать пять лет и занимал важный пост в министерстве. Они постоянно перезванивались, ворковали по телефону, а по вечерам она безропотно тащила домой громадные авоськи с продуктами. На вечеринки не ходила, потому что это не нравилось мужу.

К тому моменту почти все женщины отделения побывали в постели Игоря Грекова. Кто от одиночества, кто из любопытства. У него была репутация дамского угодника и первоклассного любовника. Он старался доставить женщине удовольствие и никогда потом не ставил её в неловкое положение. Главное – никакой любви. Счастье, удовольствие – сегодня, сейчас. «Забудь, что есть вчера и завтра» – такую философию внушал он женщинам, которых укладывал в постель. И ему это почти всегда удавалось. В нём было что-то, необходимое любой женщине, и они тянулись к нему и прощали ему его полигамность. И даже смирялись с тем, что «завтра» не будет.

И тут появилась Фаина. Он не сразу понял, почему его так влекло к ней. Дразняще пухлые, влажные, слегка выпирающие вперёд губы, воркующий голосок: «Милый, я приготовлю на ужин блинчики с мясом...» И эти карие, с особым блеском, чуть косящие глаза. Где он видел такие? Он привык к тому, что его влечёт к любой красивой женщине, и считал это есте-

ственным. Когда он понял, что судьба устроила ему очередную ловушку, было уже поздно. А тогда он просто ждал момента, чтобы приблизиться к девушке, как к породистой лошади, и заарканить её. Возможно, она кроме своего старого мужа никого и не знала. Он постарается подарить ей такие ощущения, за которые она будет ему благодарна. Возможно, они станут для неё драгоценной реликвией, а может быть, мучительной, саднящей занозой, которую она будет носить в себе всю жизнь. У женщин это бывает по-разному. Хорошо, что у неё есть муж – это гарантия того, что их отношения не зайдут далеко и от неё легко отделаться, если надоест. Она умная девочка и поймёт всё правильно. Умными он считал тех женщин, которые, переспав с мужчиной, не требовали от него заверений в любви. Они с Фаечкой будут осторожными, очень осторожными. Говорят, у неё ревнивый муж. Но где же всё-таки он видел эти глаза?

Они часто общались – то в столовой за тарелкой супа, то в перерывах между приёмами больных. Она слушала, затаив дыхание, его рассказы о чакрах, Блаватской, Кастанеде. Читала книги, которые он ей приносил.

Даже что-то конспектировала, покусывая свои соблазнительные губы. Наконец-то он обрёл достойную ученицу. Да ещё такую сексуальную.

– Я всегда знал, что Вселенная – это матка, где развивается Высший Разум, – сказал он однажды, пытаясь намекнуть ей на свою избранность и искоса наблюдая, какое впечатление произведут его слова.

– Ты просто гений, – и ореховый блеск распахнутых глаз в ответ. Афоризм ей показался очень умным и оригинальным.

– А как же Бог? – спросила она.

– Это не дедушка на облаке, как у нас принято представлять. Это и есть Высший Разум.

Общение с ней, воспринимавшей любые его мысли и афоризмы как гениальные открытия, было бальзамом для его самолюбия. И он сам не заметил – это он-то, давно практиковавшийся в психотерапии, – как она стала ему необходима. Он значил в этой жизни гораздо больше, когда она была рядом. Впервые он думал не только о сексе, встречая её утром и целуя в лоб и шею, зацелованные старым мужем. «Старику» то в то время было сорок пять, и он не отказывал себе ни в каких удовольствиях. Сауна, теннис, тусовки, загранкомандировки. Что касается секса – бледная после тяжёлой ночи Фаина однажды призналась, что он настоящий сексуальный маньяк, по пять раз за ночь домогается, и хоть бы что. Однажды Фая вернулась домой раньше, чем обычно, и застала его с женщиной.

– Мы слушаем музыку, – сказал он заискивающе. Платье у женщины было застёгнуто не на те пуговицы, и поэтому, наверное, она выглядела неряшливо. Оба были пьяненькие, тихо играла музыка. Фая, ни слова не говоря, развернулась и уехала к подруге. Но он приехал за ней с шампанским и шикарным букетом роз, и они помирились. У него был вид побитой собаки. Она знала, что это ненадолго. В любой семье кто-то из супругов доминирует, подавляет, даже если это незаметно на первый взгляд.

Игорю всегда достаточно было взглянуть на парочку, чтобы понять, кто.

Вечером Фая, схватив набитые продуктами авоськи, мчалась домой, ни на минуту не задерживаясь. Волосы, перехваченные в хвост, делали её похожей на жеребёнка. Игорь иногда провожал её, помогая дотащить сумки до метро, внутренне чертыхаясь по поводу прожорливости её мужа.

Даже уставшая, она была соблазнительной и желанной, когда он целовал её на прощанье в нежную, гибкую шею. Но он сдерживал свои сексуальные порывы, боясь исказить, испортить те доверительные, акварельно-неопределённые отношения, которые между ними сложились. Ему казалось это странным – почему он так оберегал эту девочку даже от самого себя? Но однажды всё изменилось.

Они привычно шагали через скверик к метро. Погода была сказочная – падал мягкий, чистый снег, словно со всех сторон кружились белые бабочки и паучки, осторожно плетя свою нежную паутину, опутывая лица и одежду прохожих.

В такую погоду он старался не выходить из дома. Когда они остановились у дерева, чтобы передохнуть, и она стала смахивать снежинки с мокрого лица и пальто, он уже не видел её лица. Его заслонило лицо Сары. Снова Сара. В такую погоду она всегда являлась ему. Он сжал её лицо ладонями и стал целовать – у неё были всё те же мягкие, выпирающие губы. Тот же чуть косящий взгляд. Когда он привёл её домой, она плакала и закрывала лицо руками. И сейчас её руки мешали ему. Сара, милая... В тот день у них ничего не получилось. И потом, когда они поженились, она долго отказывалась от близости. Она боялась боли. Им было тогда семнадцать.

– Сара, милая, не бойся, у нас всё получится, доверься мне, – он расстёгивал на ней пальто, и острое желание захлестнуло его. Они рухнули в сугроб, как в бездну. Сара, простишь ли ты меня когда-нибудь, Сара?

Глава третья

Ему не хотелось в этом признаваться, но он нервничал – придёт ли снова эта женщина? Или, мелькнув оранжево-чёрной искрой, исчезнет навсегда из его жизни, подобно тем кусочкам огня, которые отрываются от свечи и, порхая призрачными бабочками, эффектно растворяются в лёгком сумраке комнат и улиц? Захочет ли она продолжить это самоистязание? Что-то подсказывало ему – она придёт. Не только потому, что умна и незаурядна и понимает, что иначе ей не избавиться от своего прошлого. Есть что-то ещё. Он слишком опытный психотерапевт, чтобы ошибиться. Ну да, конечно... её взгляд. Как она смотрела в тот угол, у шкафа! Там он держал один предмет, который сразу выявлял особенности психики некоторых пациентов.

Она пришла, на этот раз похожая на школьницу – в коротком чёрном платье с белым воротничком. Платье трогательно обнажало по-детски круглые, полные колени. А белый воротничок делал неотразимой её загорелую шею. Всё тот же слабый запах смеси дорогих духов и шампанского. Она откинулась в кресле, положив ногу на ногу. Казалось, женщина хочет найти позу, придающую ей уверенности. Но сейчас для неё самым естественным было бы забиться в уголок кресла с ногами, положив ладони на свои трогательные колени. Такой она нравилась ему ещё больше.

– Вы прекрасно выглядите, – сказал он, радуясь, что не надо лукавить. – Продолжим наш разговор. Не волнуйтесь и сосредоточьтесь, – это всё, что от вас требуется. Ведь всё позади. А сейчас мы просто вытаскиваем пулю из раны. Доверьтесь мне. Сначала будет немножко больно, а потом – хорошо, – он медленно зажёл свечу, не сводя с неё глаз.

* * *

...Три часа. Да, было уже три часа ночи. Редкие огни машин. Туман. Каждое движение причиняло боль. Тогда он подхватил её на руки. Они подошли к большому, ярко освещённому дому. Он тяжело дышал, и казалось, вот-вот рухнет вместе с ней на ступени. Сквозь приоткрытую дверь была слышна музыка, какой-то лёгкий, навязчивый мотив.

Он помог ей снять пальто, на котором не было живого места, словно по нему прошло стадо буйволов. Так же ощущало себя её тело. Рукав чёрного вечернего платья висел на нитках, обнажая руку и делая Лидию похожей на раненую птицу.

– Хочешь чего-нибудь съесть? Я сейчас принесу бутерброды. Кстати, меня зовут Макс. Может быть, мы подружимся? – тон его был слегка заискивающим.

Она опустилась в большое кресло, не в силах думать, не то что говорить. Какая странная ночь. Когда она только кончится!

Дверь распахнулась. И, словно картина в дорогой дубовой раме, перед Лидией предстала дама в лиловом. Мягкий свет лампы не позволял рассмотреть её лицо – кажется, когда-то оно было красивым. Впрочем, всё было рассчитано – свет эффектно преломлялся в дорогих камнях на шее и в ушах, и всякий, кто смотрел на даму, забывал о её лице. Само собой, оно могло быть прекрасным только в освещении таких бриллиантов. Вместо причёски – подобие чалмы или короны.

– Что это? – спросила она, уставившись на Лидию.

Та попыталась выпрямить спину и принять достойный вид, но рукав предательски соскользнул и снова повис, как подбитое крыло, обнажив измученную руку.

– Ты изнасиловал её? Я слышала крики, – она пыталась говорить надменно, но срывалась на визг. Так говорят, когда пытаются скрыть страх или что-то ещё.

– Уйди! – закричал он так, что даже Лидия, казалось бы, неспособная на что-либо реагировать, вздрогнула. – Уйди отсюда, я прошу тебя!

Дама едва успела увернуться и захлопнуть дверь, в которую угодила тяжёлая хрустальная пепельница. Разноцветные осколки вперемешку с окурками брызнули в разные стороны, неприятно запахло старым пеплом.

– Прости, я сейчас уберу, – сказал он Лидии, подбирая осколки.

– Кажется, это семья психов, – подумала она.

– Псих! Ты плохо кончишь! – донеслось из-за двери, словно в ответ на её мысли. Где-то продолжал звучать тот же навязчивый мотив – песенка из популярного фильма, слышались голоса.

– Мать гуляет по поводу удачной сделки, – нехотя пояснил Максим. – Устроила приём. Достала она меня с этими приёмами.

Яркий рот и широкие скулы делали его похожим на ребёнка. Лидии было трудно поверить, что именно этот хрупкий светлоглазый мальчик чуть не изнасиловал её. Таких мальчиков высматривают в толпе «голубые».

– Прости, я, кажется, перепил и не за ту тебя принял...

Она не ответила, не в силах ни двинуться, ни говорить.

– Давай приляжем, – с поистине детской непосредственностью предложил он. – Ты ведь так устала. Ничего, если я сниму джинсы?

Она взяла со стола тяжёлую хрустальную вазу – на всякий случай, в ожидании новой атаки. Но не без труда поставила её на место – та оказалась слишком тяжёлой. Ей была невыносима мысль о каких-либо резких движениях. Да и ощущение опасности исчезло. Она доживёт как-нибудь до утра в этом кресле.

Но Максим начал рыться в шкафу и, вытащив простыню в голубую полоску, постелил на софе (она почему-то и спустя десять лет помнила эту простыню, может быть, потому, что полоска была слишком яркой).

– Не бойся, ложись. Я не трону тебя.

Она не двигалась, раздавленная усталостью, и он раздражённо повторил:

– Я же говорю, не трону. Ложись!

Всё это напоминало какую-то детскую игру. Препираться было ещё утомительнее, чем двигаться. Она доползла до софы и свернулась на ней клубком. Он устроился рядом, обняв её одной рукой. Увидев прыщи на его шее, она поморщилась, но руку не отбросила. Странная близость возникла между ними. Они словно бы всю жизнь были братом и сестрой.

Ощущая под ладонью её мягкий, тёплый, слегка пульсирующий от дыхания живот, Максим тогда не мог и предполагать, как, впрочем, и Лидия, что эта ночь и соединит, и разведёт их навсегда.

Ей казалось, что она не сомкнула глаз, но утро наступило как-то внезапно – хмурое и беспощадное в своей реальности. Утро, которое должно было наконец освободить их друг от друга. Подойдя к окну, она взяла в руки зеркало. Чужое лицо – серо-зелёное, с распухшими губами – как с таким на улицу выходить?

За окном по-прежнему всё было словно в дыму. Ветви деревьев, выступая из тумана, напоминали щупальца, тянувшиеся к дому из другого мира. Она подумала, что это похоже на какую-то жутковатую сюрреалистическую картину. Максим подошёл сзади, обнял её и попытался поцеловать в шею.

– Лидия, прости меня. Может быть, мы подружимся?

Она брезгливо отшатнулась и тихо, но отчётливо сказала, что будет ненавидеть его всю жизнь.

От вчерашнего плейбоя ничего не осталось, кроме шикарных часов на запястье. Ему пришлось отправиться к реке на розыск её туфель и сумочки, оставленных в траве, измученной битвой их плоти. Лидия же снова погрузилась в кресло и стала рассматривать фотографии на стене. Теперь она поняла, почему лицо Макса показалось ей знакомым. Вся стена была залеп-

лена фотографиями мужчины с такими же пухлыми щеками и ярким ртом. Только в этом лице не было ничего детского – оно смотрело на мир с непоколебимым превосходством и любовалось собой. Это было лицо человека, уверенного в том, что весь мир вертится вокруг него. Таких людей Лидия называла «пупистами». Они считали и считают себя пупами земли. Глубокие складки вокруг рта – последствия страстей и божественного существования. А может быть, в его жизни были подлинные драмы или даже трагедии, о которых никто не знал. Хотя обычно любая деталь поведения известных артистов – и смешная, и драматичная – быстро становится достоянием публики. Ходили слухи, что этот известный певец умер в объятиях любовницы в машине, где они занимаясь любовью, уснули и задохнулись от угарного газа. Рядом стояла недопитая бутылка коньяка. Так писали жёлтые газеты, а они могут всё что угодно написать. Вдова потом опровергала эти сплетни в какой-то телепередаче, грозилась судом и рассказывала свою версию: артист умер от перегрузок во время гастролей, с ним случился второй инфаркт.

В дверь постучали.

Лидия хотела было промолчать, но стук был настойчивым.

– Войдите, – выдавила она из себя.

На пороге появилась дама в чалме. Глазки-бусинки смотрели из-под оплывших век остро и трезво. В одной руке она держала сигарету, в другой – бокал.

– Хочешь выпить? Это мартини, – дама бесцеремонно стряхнула пепел на ковёр и столь же бесцеремонно продолжала рассматривать Лидию.

– Не хочешь? Так чего же ты хочешь? Может быть, денег? Он ещё ребёнок, запомни. А ты – взрослая женщина, и, по-видимому, не без опыта. Ему нужна няня. А ты на это вряд ли годишься. Между вами что-нибудь было? Если ты сможешь ему стать мужчиной, не претендуя ни на что, я дам тебе много денег. Мне кажется, у него комплексы...

«Она, наверно, пьяна», – думала Лидия, слушая этот бред.

– Так между вами что-нибудь было? – она сделала большой глоток и снова вонзила глазки в лицо Лидии.

– Убирайся отсюда! – раздался вдруг вопль за её спиной. Максим держал в руках замшевые туфли Лидии. Девушке показалось, что сейчас он их пустит в ход. Но дама с быстротой лани и грациозностью лошади Пржевальского исчезла, слегка расплескав мартини и успев бросить на ходу: «Хам! Теперь и другие знают, что ты хам!»

– Заткнись! – крикнул он ей вслед и, не глядя на Лидию, спросил:

– Чего она тебе наговорила?

– Ничего особенного. Предлагала выпить, – Лидия торопливо обувалась. Скорее из этого дома. Скорее и подальше – навсегда. Всё это нужно забыть, как кошмарный сон.

– Может быть, хочешь искупаться? – заискивающе спросил Максим. – Вчера наполнили бассейн.

Она очень любила плавать, но сейчас хотела одного – домой, скорее домой. Пробираясь через анфилады комнат, они натыкались то на целующиеся парочки, то на тела, содрогающиеся от храпа, то на недопитые бутылки и дымящиеся бычки. Кажется, славная удалась оргия.

А дом был роскошный. Не дом, а дворец. Лидия всегда мечтала жить в таком доме. Она всё здесь сделала бы по-другому. Выбросила бы эти дешёвые хрустальные вазы, расставленные в дешёвых новеньких шкафах, да и сами шкафы тоже. Обои были ужасны – то слишком скучные, то, наоборот, помпезные, разукрашенные золотыми розами. В углах пылились искусственные цветы. Впрочем, в то утро ей всё в этом доме казалось уродливым. Дамы в вечерних платьях с серыми лицами проплывали мимо, как призраки. Она мечтала об одном – скорее попасть домой. И если бы, если бы никого не оказалось дома! Ей так хотелось ощутить восхитительную сладость одиночества, прохладную целительную свежесть простыни!

Максим, как она ни сопротивлялась, увязался за ней в автобус. Провожать её дальше она категорически запретила. И он, похожий на взъерошенного воробья, кутаясь в куртку, смотрел, как она уходит.

– Подожди!

Она обернулась на крик – он догонял её.

– Вот, – он протянул ей горсть перламутровых салатных пуговиц. Она молча сунула их в карман и пошла дальше. А когда не выдержала и обернулась, он помахал рукой. Она не ответила. Он уже был в прошлом. Она вглядывалась в контуры своего дома, вырисовывавшегося в тумане. После кирпичных хором, в которых она провела ночь, он казался игрушечным. Туман рассеивался, и мир становился всё более чётким, проявлялся, как фотография в специальном растворе. Утро было очень графичным – чёрное, белое и много серого. Лидию вдруг охватила тупая, ноющая, какая-то безысходная боль – такая бывает после операции, когда отходит заморозка.

Над низкой изгородью соседнего дома показалось горбоносое лицо с бесцветными глазами. Этого следовало ожидать. Лидия невольно содрогнулась – старуха разглядывала её изгвазданное пальто. Лучше бы они не покупали этот дом. Его никто не хотел покупать. Несколько лет он пустовал, нагоняя тоску кое-как заколоченными окнами и запустением сада, где сорняки были похожи на деревья. Прежние обитатели дома часто болели, и каждый раз это была странная, неожиданная болезнь, которую врачи затруднялись определить, и уж тем более – вылечить. То сводило ноги судорогой, то начинались дикие головные боли. В конце концов они решили продать дом. Лидия с матерью прельстились его дешевизной. Как раз пошла мода на дачи, и им хотелось быть не хуже других. Теперь у матери все разговоры – о даче да о грядках, как и у большинства знакомых. В пятницу с самого утра заготавливаются сумки и баулы, корзиночка для кошки, и весь день превращается в ожидание праздника. Даже то, что загородный автобус приходится брать штурмом и трястись сорок минут в тисках потной толпы, не может испортить удовольствия заядлым дачникам.

Может быть, это выдумки, но в деревне давно поговаривали, а теперь Лидия видела это и сама – в соседнем доме творилось что-то неладное. Ночи напролёт в окнах мелькали какие-то огни, слышался шум, грохот, крики. Впрочем, что в этом странного? У старухи сумасшедшая дочь, а недавно и внучку отправили в психушку.

Лидию так и подмывало сказать: «Ну что уставилась, старая кочерёжка?», но она вежливо произнесла: «Здравствуйте». Старуха, словно не ожидая такого подарка – с ней многие не здоровались, – опешила и запоздало прошамкала: «Здравствуй, дочка». И вдруг, когда она уже миновала это бледное уродливое изваяние, которому не хватало только метлы, ей в спину словно ударило тёплой волной. Звонкий смех заставил Лидию обернуться. Такой нежный, с хрустальными переливами, такой заразительный в тишине и строгой графике утра, он завораживал, как мираж в пустыне. Так смеяться умела только она, дочка старухи – Груша.

В длинной полупрозрачной ночной рубашке, нисколько не скрывавшей роскошное загорелое тело, которого было очень много, она в упор смотрела на Лидию и продолжала смеяться. Её яркие, как ягоды чёрной смородины, глаза сочились радостной влагой, чёрные усики подрагивали над жемчужной дырочкой рта. Старуха безмолствовала, похожая на клочок тумана. Впрочем, непонятно, в ком из них было больше от миража.

Груша, вся сочащаяся красками, уцепившись полной рукой за изгородь, передохнула и проговорила сквозь смех: «Если ты когда-нибудь станешь женщиной, я подарю тебе большую хрустальную вазу». Она почти пропела эти слова. Лидия чуть было не рассмеялась в ответ – так заразителен был этот смех и такими глупыми и странными показались ей слова сумасшедшей. Бред какой-то. Разве сложно стать женщиной? Лишь потом, спустя годы, вспомнив этот стеклянный смех и эти слова, она внутренне содрогнулась.

На крыльце уже стояла мама, и это было хуже всего. Даже страшнее зловещей ночи, которая была уже пережита. Она, конечно, не сомкнула глаз и, конечно, плакала. Этот взгляд, смертельно раненной и смертельно ранящий, Лидия хорошо знала. Но если она сумела защитить себя от насилия чужого человека, то перед этим взглядом чувствовала себя незащищенной.

Груша уже громко икала в перерывах между приступами хохота.

– Я подарю тебе хрустальную вазу, если ты станешь женщиной! – донеслось из соседнего сада.

– Где ты шляется? – резко спросила мама. Она никогда не разговаривала так с Лидией, и та на мгновение действительно почувствовала себя падшей женщиной.

– На что ты похожа? – вдруг почти взвизгнула мама. – Ты посмотри на себя! – и Лидия потом поняла, что это был один их самых жутких моментов, возможно, сломавший ей жизнь. Она почувствовала страх. Это был страх стать потаскушкой, шлюхой. На неё сейчас смотрели именно так, и это было страшно. Она-то знала, что произошло с ней – ничего плохого в понимании мамы, но это изгвазданное пальто, распухшие губы...

– Ты, наверное, не помнишь, что с тобой сделали? – в голосе матери было столько ужаса и боли, что и Лидия вдруг усомнилась: а может быть, она действительно не всё помнит и с ней что-нибудь сделали? Мать долго рассматривала её трусики, но на них не было ни пятнышка. В их семье такое значение придавали невинности и порядочности!

Немного успокоившись, мама наполнила ванную.

– Мы найдём его, ему это так не пройдёт! – твердила она, выслушав её сбивчивый рассказ и, намыливая мочалку, так скоблила спину Лидии, что та, сохранив невинность, боялась лишиться кожи.

Лидии было больно видеть, как дрожат её руки, закручивая краны. Ей не удавалось наладить смеситель: на Лидию обрушивалась лавина то холодной, то горячей воды. «Как в жизни», – невольно подумала она. Контрастный душ. Может быть, это и помогает нам выживать?

– Ничего не произошло, – сказала она себе потом, кутаясь в прохладные простыни. Но ни ванная, ни такие желанные свежие простыни, слегка пахнувшие лавандой, не принесли облегчения. Она ощущала какое-то странное напряжение, почти спазмы в нервах и в мышцах. Она страдала. А если бы это произошло – что тогда?

В чём её вина и есть ли в этом грех?

Мама принесла снотворное. Лидия выпила две таблетки. Вместе с ними на какое-то время растворилась в стакане воды её память. Но и тяжёлое беспомыслие почти не приносило облегчения, лишь притупляло боль. Ей приснилась хохочущая Груша. Её бронзовое обнажённое тело излучало тёплый свет, волосы волнами плескались за спиной. В руках она держала большую вазу из старинного хрусталя. Она сверкала, как алмазная глыба. От неё невозможно было отвести глаз. И вдруг Груша подняла вазу над головой, замахнулась. Она смеялась и светила, вся пронизанная солнцем, как и её ваза.

– Не надо, не разбивай её! – попыталась закричать Лидия. – Умоляю тебя, она так прекрасна! – голос её корчился в судорогах, во сне так трудно кричать. Как докричаться, как убедить эту сумасшедшую?

– Зачем мне хранить её? – рассмеялась Груша. – Ни мне, ни тебе она всё равно не понадобится.

Ослепительный фейерверк обжёг Лидию от глаз до ног. Израненное тело и лицо кровоточили. Рыдая, сдерживая боль, она бросилась собирать драгоценные осколки.

– Ты будешь собирать их всю жизнь, – продолжала смеяться Груша, – только на это ты и годишься.

Когда мама, услышав крик Лидии, вбежала в спальню, та сидела на постели и громко плакала.

– Мне больно. Осколки, – прошептала она. – Их надо собрать... Они застряли во мне... – она откинула одеяло. Её тело было в кровоподтёках. Это были всего лишь следы той бурной ночи.

Глава четвёртая

Она провалялась в постели целую неделю, пичкая себя слабыми транквилизаторами. У неё держалась температура – то ли от простуды, то ли от стресса, и, казалось бы, больничный дал ей возможность отключиться от жизни. Она брала в руки книгу и тут же откладывала. Рядом валялось надкушенное яблоко. Так проходили дни. На улице стояла чудесная осень, и однажды яркое солнце всё-таки заставило её встать и выйти в сад. Деревья уже были голыми, и только бледно-розовые хризантемы продолжали цвести на грядках.

Она подставила лицо солнцу и не помнила, сколько простояла так, прислонившись к стене террасы. Лёгкие паутинки нежно касались её щёк. Слабо пахло яблоками. Солнце и тишина были тем целебным коктейлем, который вернул её к жизни. Войдя в дом, она поняла, что если не съест чего-нибудь прямо сейчас, то умрёт. И, вытащив первую попавшуюся банку с консервами, торопливо вскрыла её. Это оказались шпроты, они были восхитительно вкусными. В банке плавала последняя шпротинка, когда раздался звонок в дверь. Это могла быть «старая кочерёжка» – так прозвали соседку, или безумная Груша с каким-нибудь глупым вопросом или просьбой. После того, как они наведывались, в доме обязательно случалась какая-нибудь неприятность. В лучшем случае перегорал утюг. А может быть, мама? Обычно она приезжала по выходным, но мало ли что... Лидия осторожно выглянула в окно и похолодела. У двери стояла приземистая мальчишеская фигурка, в ней было что-то от нахохлившегося воробья. В одной руке Макс держал кейс и цветы, а другой упорно жал на звонок. Лидия осторожно прошла босиком в ванную, заперлась там и прислонилась к стене. Ногам было холодно, но она почему-то боялась двигаться, словно он мог услышать это движение. А Макс не уходил и продолжал упорно звонить. Это было невыносимо. Наконец звонки прекратились. Она пробралась к окну, выходящему в сад. Он сидел на крыльце с замёрзшим и несчастным видом. Розы лежали рядом, вызываясь красные на облезлых досках. Она опустила на пол и так просидела до сумерек. И даже когда совсем стемнело, не стала зажигать свет, а тихо пробралась в постель и выпила снотворное, понимая, что иначе ей не уснуть.

Утром её снова разбудило солнце – только в последние дни осени оно бывает или кажется таким неправдоподобно ярким. Кутаясь в старое пальто, она вышла на крыльцо – на ступенях, прямо у её ног, лежали чуть увядшие красные розы. Она долго смотрела на цветы, думая, как с ними поступить. Потом решительно унесла их в дом, машинально подрезала ножом каждый стебелёк. Благодарные цветы, оказавшись в вазе с тёплой водой, ожили, расправили лепестки.

Она с аппетитом позавтракала апельсином и чашкой кофе. Но розы напоминали ей о Максе, и она отнесла их в другую комнату. Что нужно этому странному мальчику? Чего он добивается?

У неё было большое желание надавать ему пощёчин, отхлестать по пухлым прыщавым щекам.

Накинув старое пальто, она уселась в саду на скамейке, пытаясь читать Набокова. Но он не читался – слишком холодный, просчитанный, как цифровая музыка. Хотелось чего-то другого – но чего? Волнующего, обжигающего? Может быть, поискать томик Леонида Андреева? Мрак, конечно, но зато, как говорится, клин клином... Она отложила книжку и увидела, что калитка приоткрылась. Сначала показался букет – это были всё те же красные розы. Она вскочила, вбежала в террасу и захлопнула дверь.

Лидия слышала, как медленно, неуверенно он поднимался по ступеням. Тихий стук в дверь ударил по нервам барабанной дробью.

– Лидия, открой, пожалуйста, нам нужно поговорить.

Она молчала, он тихо постучал ещё раз, точно поскрёбся. Лидия рывком распахнула дверь. Он стоял на нижней ступеньке крыльца, прижав к груди цветы, жалкий и растерянный.

Почему-то эта его незащищённость тогда ожесточила её – она сделала то, что не раз проделывала с ним в мыслях: замахнулась и ударила его по лицу. И поразились – оказывается, это так просто – ударить человека по лицу. Он не увернулся и даже не попытался сделать этого, а вдруг опустился на колени:

– Делай со мной, что хочешь.

И она, упоённая обрушившейся вдруг на неё властью – как стыдно ей было потом, все годы, за эти моменты, хлестала его ладонями по бледному, скорбному, подставленному для битья, лицу.

С этого началась их странная дружба. Он стал приезжать почти каждый день, и всегда с цветами и с бутылкой вина. Она позволяла раздевать и целовать себя. Однажды, когда они выпили слишком много, решила: постелила самую красивую простыню – должно же это когда-нибудь произойти. К тому моменту они встречались уже два года. Он, привыкший к её недоступности и полудружеским отношениям, был испуган этой решительностью, но покорно разделся. В этот момент кто-то позвонил в дверь. Они торопливо одевались, а мама звонила и звонила, и даже заглянула в окно, чувствуя неладное. И опять этот кровотокающий, раненый взгляд: как ты могла? Лидия не успела убрать простыню. Тогда мама поставила двадцатипятилетней дочери условие – либо та выходит замуж, либо чтоб ноги её друга больше здесь не было. Ведь от этого дети появляются, не дай Бог... Не дай Бог – до свадьбы. Великий позор и грех. Знала бы она, что Лидия, тепличное растение, выращенное возле маминой юбки, в тот момент даже толком ещё не понимала, как они появляются, дети, а подруг стеснялась расспрашивать.

Как потом молила она Бога о ребёнке, но мог ли Бог дать ей то, что она долгие годы панически боялась иметь, чего их с Максом матери просили не давать им? Одна боялась греха, другая – обузы.

* * *

Женщина смотрела на свечу, и глаза её вновь и вновь наполнялись непроливающимися слезами.

Он знал, что она из тех женщин, которым нельзя плакать. Слезы не облегчают, а терзают их, переходя в истерику. В этом своём состоянии грусти и волнения она была очень привлекательна. Он осторожно накрыл ладонью её руку, в которой она комкала платочек, и задул свечу. Комната погрузилась в полумрак, за окном тихо умирал день.

– У меня к вам предложение, – сказал он, глядя на неё у упор, и даже в сумраке было видно, как ярко блестят его глаза, – я приглашаю вас поужинать со мной.

– Где? – ошарашенно поинтересовалась она.

– У меня дома. Я хорошо готовлю, вот увидите. И мы сможем спокойно поговорить в неформальной обстановке.

– А это удобно? – спросила она, продолжая терзать нервными пальцами платочек. Слезы не пролились. Игорь ликовал. Он не ожидал, что победа будет такой лёгкой. Всех пациентов – к чёрту!

Она стояла у порога, приняв себя к незнакомой квартире, как кошка, напряжённая и растерянная. Пахло чем-то кислым, обыденным, как пахнет в коммуналках и тесных квартирках на окраине города. Она почувствовала что-то похожее на разочарование. Ей стало тревожно и неудобно. Но он уже снимал с неё белый плащ и подталкивал к дверям комнаты. Круглый стол был накрыт потрёпанной льняной скатертью. Почему-то одинокие мужчины любят именно такие столы и такие скатерти. Он усадил её за этот стол, достал из холодильника шампанское. Пока она потягивала из высокого хрустального бокала ледяной напиток, Игорь побежал на кухню готовить ужин. Хорошо, что в холодильнике «спасались» апельсины, яйца и две отбивные. Пожалуй, может получиться неплохой ужин. Для себя он извлёк хрустящие огур-

чики собственного засола. Графин с водкой всегда стоял на кухонном столе. Он наполнил серебряный штоф, который достался ему от родителей, и выпил залпом. Огурец аппетитно захрустел на зубах. Всё-таки, лучше водки под хороший огурчик и солёные грибочки человечество ещё ничего не придумало.

Когда он вошёл, она, потягивая шампанское, рассматривала какие-то книги. О, кажется, ей интересен Кастанеда!

Стол уже ломился от мелких яств: огурчиков, грибочков, тонко нарезанной ветчины и маслин. После двух бокалов шампанского всё это казалось Лидии очень аппетитным.

Он смотрел, как аккуратно она засовывает в рот ломтики апельсина, и это его волновало. Его волновало каждое её движение.

Он ощущал тепло, исходившее от её крепкого, загорелого тела, которое она не трудилась прятать под одеждой. Открытые плечи, глубокий вырез на груди. Но этот гордый, высокомерный профиль, царский поворот головы... Что за кровь течёт в жилах этой женщины? Это волновало больше всего – сочетание близости, доступности и холодного высокомерия, отбрасывающего на расстояние. Но он был уже почти уверен, что познает её до конца, что растопит этот лёд и она будет полностью принадлежать ему, каждой клеточкой своего тела. Он знал также, что она и сама этого хочет. Он не знал тогда только, что лучше бы ему никогда не приближаться к ней. И лучше бы ей никогда не входить в его кабинет.

Глава пятая

Заметив, что её взгляд блуждает где-то далеко и что она опять отдалилась от него, он перевернулся на живот.

– А ну-ка, погладь мне спинку, дорогая!

Ей очень нравилась шелковистая кожа его спины, такая гладкая, что даже слегка лоснилась. Ладонь скользила по ней удивительно легко – ни одного прыщика не попадалось на её пути. И только в предплечьях пальцы вдруг натыкались на легкую паутину царапин, похожих на старые рубцы. «Что это?» – не раз спрашивала она. Игорь отмахивался: «Ничего, не обращай внимания».

– Нежнее, нежнее, – командовал он. – Ты же не бельё стираешь, а ласкаешь любимого мужчину.

– Сейчас ущипну! – пригрозила она, но подчинилась ему. Теперь лишь кончики её пальцев касались его спины, выписывая на ней нежные зигзаги.

– Ну, хватит, милый, – прервала она его лёгкие стоны. – Мне тоже хочется. Теперь твоя очередь. Ты готов? – и она тоже перевернулась на живот.

У них был совершенно разный подход к ласкам. Ему нравились осторожные, нежные, акварельные поцелуи и поглаживания. И ей приходилось себя сдерживать. Ей не очень приятно было признаваться себе в том, что она предпочитает совсем другое. Однажды, когда он, уложив её в постель, торопливо раздевался, она сквозь прикрытые веки видела, как он расстёгивает ремень на брюках, и ей было стыдно признаться в этом, но она почти испытала оргазм. А потом, когда он нежно обнял её, всё исчезло. Ей стало скучно. Тогда она снова и снова представляла себе ремень, мелькнувший перед её глазами – тонкий и грозный, с легко позвякивающей пряжкой. Ни за что в жизни она не согласилась бы на его реальные прикосновения к своему нежному телу, но ей безумно нравилось это представлять. И где-то под животом появлялась томительная, сладкая тяжесть, мышцы напрягались...

О, этот сладкий ужас унижения! Мысли о боли и унижении доставляли странное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

– Так как же прошла ваша первая брачная ночь? – их беседы постепенно и окончательно переместились из кабинета поликлиники в его спальню. Маленький столик рядом с постелью был заставлен бутылками с шампанским и апельсинами. Он предпочитал водку с грибочками и огурчиками. У неё была очень женственная, монументально вылепленная фигура, и она совершенно не стеснялась своей наготы. Ему очень нравились её маленькие, совсем девичьи груди. В ней вообще было очень много девичьего. В неё каждый раз было трудно входить – как в семнадцатилетнюю девушку, которая стала женщиной две недели назад.

– Для начала спроси, как вообще этот брак состоялся.

– Да, и как же? – он протянул ей фужер с шампанским.

* * *

Был уже поздний вечер, когда вдруг начала неистово лаять собака, которую они держали на цепи. Прямо у калитки взвизгнули тормоза машины.

Мама, побледнев, торопливо накинула халат на ночную сорочку и бросилась к окну. Им было не по себе – что-то случилось. Кто это мог быть? У их близких знакомых и родственников не было машин. У калитки стояла чёрная «Волга». Дама в норковой шубе уже открывала калитку. Она подняла лицо, глядя в тёмные окна, и обе женщины, тоже смотревшие в темноту, чуть отодвинув портьеру и затаив дыхание, вздрогнули. Им показалось, что они

встретились глазами. В свете уличных фонарей лицо дамы хорошо просматривалось. Почти как на фотографии.

– Странно, – пробормотала мама, – я её где-то видела. Но где? Кто это? Лицо было неестественно бледным, как у призрака. Лидия-то сразу её узнала и поняла причину этой неестественности – слишком ярко были накрашены губы. Собака продолжала надрываться, гремя цепью. И в это время в дверь позвонили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.